

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.9

Тарасов Александр Алексеевич

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, aatar@mail.ru

СТЕРЕОТИПЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. Принадлежность к профессиональному сообществу, представители которого осуществляют уголовно-процессуальную деятельность, неизменно оказывает влияние на процессуальное поведение конкретных участников процесса и принимаемые ими уголовно-процессуальные решения. Автор выявляет и анализирует в этом контексте некоторые стереотипы корпоративного мышления и правосознания должностных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. *Цель:* на примере реализации конкретных уголовно-процессуальных институтов – особого порядка постановления приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, возобновления уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств, проверки сообщений о преступлениях, поддержания государственного обвинения – показать, как корпоративная принадлежность должностных лиц влияет на правоприменительную практику. *Методы:* структурно-системного анализа и синтеза, исторического анализа, конкретно-социологический, метод включенного наблюдения. *Основной вывод* из проведенного исследования: требования уголовно-процессуального закона и юридически значимые обстоятельства уголовных дел как главные объективные факторы, определяющие момент принятия, форму и содержание уголовно-процессуального решения, в реальной практике нередко перестают быть главными, поскольку принимаемые решения в значительной степени определяются принятыми в конкретном государственном органе правилами профессионального поведения.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, государственное обвинение, особый порядок постановления приговора при согласии с предъявленным обвинением, пересмотр уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств, поддержание государственного обвинения, профессиональное правосознание

Для цитирования: Тарасов А.А. Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 130–144. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.9.

Original article

Tarasov Alexander Alekseevich

Bashkir State University, Ufa, Russia, aatar@mail.ru

STEREOTYPES OF CORPORATE LEGAL AWARENESS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURE INSTITUTIONS

Abstract. Membership of the professional community whose representatives carry out criminal procedure activities invariably influences the procedural behavior of specific participants in the proceedings and the decisions taken by them in criminal procedure. In this context, the author identifies and analyses certain stereotypes of corporate thinking and legal awareness of officials involved in criminal proceedings. *Purpose:* using the example of the implementation of specific criminal procedure institutions – a special sentencing procedure with the consent of the accused to the charge against him, reviewing criminal cases due to newly discovered or new circumstances, checking reports of crimes, maintaining public prosecution – to show how corporate affiliation of officials affects law enforcement. *Methods:* the author applies structural and system analysis and synthesis, historical analysis, specifically sociological, as well as the method of integrated observation. The main *conclusion* of the study is that the requirements of the criminal procedure law and legally significant circumstances of criminal cases, as the main objective factors determining the moment of adoption, the form and content of the criminal procedure decision, in practice often cease to be the main ones, since the decisions are taken largely on the basis of rules of professional conduct adopted by a particular state body.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, public prosecution, special sentencing procedure with the consent to the charge, review of criminal cases due to newly discovered or new circumstances, maintenance of public prosecution, professional legal awareness

For citation: Tarasov A.A. Stereotypes of corporate legal awareness in the context of criminal procedure institutions. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 130–144. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.9. (In Russian).

Проблема корпоративности и стереотипов корпоративного мышления в профессиональных юридических сообществах, представители которых заняты в уголовном судопроизводстве, не часто является самостоятельным предметом монографических уголовно-процессуальных научных исследований. Вместе с тем отражение в профессиональном правосознании тех или иных процедурных механизмов и влияние этого отражения на юридическую деятельность в том или ином виде присутствует в каждом уголовно-процессуальном научном исследовании, ориентированном на анализ правоприменительной, правозащитной или законотворческой практики. Во всяком случае, корпоративная принадлежность властвующего субъекта, принимающего уголовно-процессуальные решения, как правило, называется в числе факторов, влияющих на содержание этих решений [1, с. 97–98].

Особенности ведомственного профессионального мышления, ориентированного на традиции ведомства, позицию руководства, отчетные показатели, часто не имеющие или почти не имеющие собственно правового обоснования, лучше всего проиллюстрировать и проанализировать на примере применения конкретных уголовно-процессуальных процедурных механизмов.

Предметом особой озабоченности общества в лице разных его институтов (таких как, например, уполномоченный по правам человека на федеральном и региональных уровнях, общественные советы при правоохранительных органах разных уровней и т. п.) с самого начала действия УПК РФ был особый порядок постановления приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Обеспокоенность общества и многих исследователей-профессионалов вызывал не столько сам факт наличия особого порядка, ибо разного рода «суммарные», то есть сокращенные и ускоренные, виды производств по уголовным делам есть во всех развитых правовых системах современности, а необходимость дифференциации уголовно-процессуальной формы всерьез никогда не ставилась под сомнение в специальной литературе. Проблемой стал стремительный рост удельного веса уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке: сначала почти половина, затем более половины, а к 2019 г., по данным официальной статистической отчетности судов общей юрисдикции, он составил около 70 % всех уголовных дел.

Такая ситуация не могла не вызвать нареканий со стороны разных государственных органов, общественных объединений. Все более настойчиво в профессиональных юридических сообществах стал обсуждаться вопрос о возможных и реальных злоупотреблениях, сопровождающих распространение особого порядка на практике – формально столь удобного процедурного механизма практически для всех профессиональных участ-

ников производства по уголовному делу. Для одних в зачет идет обвинительный приговор по предъявленному обвинению, для других – рассмотренное дело, на которое потрачен минимум времени и усилий, для третьих – нет необходимости «вязнуть» в опровержении обвинения посредством представления доказательств и анализа их в прениях сторон. Закономерно возникли претензии и к нравственной стороне такого почти всеобщего процедурного «благодетельства», не всегда согласующегося с общепризнанными представлениями о справедливости [2, с. 14–15].

Ситуация с распространенностью особого порядка круто поменялась после выступления главы российского государства В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 12 марта 2019 г. Президент России назвал одной из причин ухудшения качества расследования чрезмерное использование особого порядка на практике и подчеркнул и без того, казалось бы, очевидную вещь: при малейшем сомнении в доказанности вины лица, подвергаемого уголовному преследованию, или в понимании им всех последствий применения особого порядка уголовное дело необходимо рассматривать в общем порядке [2, с. 5]. Все названное – требование действовавшего на момент этого выступления уголовно-процессуального закона. Доказанность вины – давнее и никем не опровергаемое условие направления уголовного дела в суд, осознание последствий согласия с обвинением и применения особого порядка – неременное условие удовлетворения ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судом. Все обязанности участников описанного процедурного механизма в действующем уголовно-процессуальном законе определены достаточно четко, и внесенные в него за годы его действия изменения в отношении этих процедур нельзя назвать радикальными. Тем не менее без изменения закона ситуация с применением особого порядка в стране меняется практически мгновенно: с 70 % удельный вес применения особого порядка падает до 20 %, а в некоторых регионах даже ниже. Что же произошло? Изменилась структура преступности в стране? Столь радикально изменилось отношение людей, попавших в сферу влияния правоохранительных органов, к этим органам и к содеянному ими самими? Люди стали как-то по-другому относиться к закону и к окружающим? Конечно нет. Просто высшее должностное лицо государства определило свою позицию в отношении особого порядка, связав ее с негативной оценкой качества предварительного расследования.

Таким образом, выявляется одна из особенностей профессионального правосознания представителей государственных органов, занятых в уголовном процессе, – зависимость правовых позиций, лежащих в основе уголовно-процессуальных решений, в большей степени от мнения руково-

дящих должностных лиц, нежели от требований закона и юридически значимых обстоятельств конкретных уголовных дел.

Вопросом о том, возможно ли иное, пока не задаемся, поскольку в рамках настоящей статьи важно выявить и другие подобные стереотипы профессионального корпоративного мышления, правосознания и фактического поведения.

В специальной литературе анализируется и оценивается негативно небезынтересная особенность уголовного процесса в сравнении с другими отраслями правосудия. Возобновление уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств осуществляется по решению прокурора, к которому заинтересованные субъекты вправе обратиться с соответствующим заявлением. Во всех остальных видах судебного процесса заявление о возобновлении дела ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств заинтересованные лица подают непосредственно в суд, который и решает, имеются ли такие обстоятельства и есть ли в связи с этим необходимость в пересмотре уже имеющихся и вступивших в законную силу, а возможно, и уже исполненных судебных решений [3].

Такой порядок возобновления уголовных дел действует с советских времен, и при разработке проектов действующего УПК РФ не было выдвинуто сколько-нибудь заметных предложений по его изменению. Разумеется, прокуратура – это государственный орган надзора за законностью любых видов деятельности, руководствующийся публичными интересами и несущий конституционную обязанность защиты прав и законных интересов всех граждан и организаций. То есть, иными словами, любой обратившийся в прокуратуру с заявлением о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств вправе рассчитывать на объективное и беспристрастное расследование этих обстоятельств, по результатам которого будет принято обоснованное и законное решение. Невозможно найти аргументы, которые могли бы быть противопоставлены этой бесспорной идее, основанной на российской Конституции.

Однако попытка выявить в двух российских регионах (Республике Башкортостан и Самарской области) за последние два года хоть одно уголовное дело, производство по которому было возобновлено ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств, результата не дала: таких дел не было. Означает ли это, что никто не обращался с заявлениями об этом в прокуратуру? Нет. Такие заявления были. Вероятно, все заявления были необоснованными и ни одного вновь открывшегося или нового обстоятельства, влекущего необходимость пересмотра уголовных дел, не было выявлено? Заявлений, в которых указаны такие обстоятельства, действительно, очень мало. Однако и они были. Что же происходило с обоснованными заявлениями о возобновлении уголовных дел, направленными в прокуратуру?

Как выяснилось, в случаях выявления вновь открывшихся или новых обстоятельств вместо принятия решения об их расследовании и повторном направлении дела в суд прокуроры приносили представления в порядке надзора, в которых сами просили о пересмотре дела, о чем и извещали заявителя. Заявителю, по большому счету, все равно, в каком порядке будет пересматриваться дело, главное, чтобы пересмотрели. Остальные участники процесса находятся в аналогичном положении: если надзорное представление будет удовлетворено, а суд надзорной инстанции примет правильное по существу и законное решение, то кажется неважным, в связи с чем это было сделано. Здесь, правда, нельзя не сделать оговорку относительно того, что судебное решение, которое одновременно удовлетворяло бы все затрагиваемые им интересы, – невероятная редкость. Недовольные любым судебным решением, скорее всего, будут в подавляющем большинстве случаев.

С точки зрения общей логики состязательного уголовного процесса, равно как и в связи с буквальным требованием действующего закона, такая «процедурная замена» выглядит не столь уж безупречной. Прокурор, то есть весь институт прокуратуры, представленный конкретными должностными лицами, в уголовном процессе участвует как сторона обвинения, осуществляя уголовное преследование от имени государства в досудебном производстве и поддерживая государственное обвинение в судебном производстве по уголовным делам. В отечественной литературе такой подход получил наиболее серьезное теоретическое и практическое обоснование [4, с. 42–45]. Попытки теоретиков уголовного процесса обосновать некий нейтральный («вне сторон») статус прокурора как органа надзора за законностью либо выделить для него специальную (наряду с функцией обвинения) уголовно-процессуальную функцию надзора за законностью, периодически предпринимаемые в современной науке как минимум в отношении всего досудебного производства [5, с. 12], представляются значительно менее продуктивными. Прокурор осуществляет надзор за законностью органов следствия и дознания с целью обеспечения направления в суд только законных и доказанных обвинений, а после принятия решения о направлении дела в суд прокурор поддерживает государственное обвинение, которое он сам или его коллега по работе утвердил. Объективным он быть обязан, только статуса стороны это его не лишает ни в досудебном, ни тем более в судебном производстве по уголовным делам.

Иными словами, прокуратура может быть связана обвинительными выводами, на которых несколько ее должностных лиц настояли по результатам расследования и при первоначальном судебном разбирательстве уголовного дела. Обстоятельства, которые в настоящий момент стали

вновь открывшимися (например, состоявшийся и вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу о должностных преступлениях следователя, дознавателя или сотрудника органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или о лжесвидетельстве), могут быть совсем не такими для прокурора на самом деле. Сведения о пытках и фальсификации доказательств могли быть предметом жалоб участников досудебного производства, подаваемых на имя прокурора, но не получить тогда должной прокурорской оценки и реакции. Признать позднее это обстоятельство вновь открывшимся означает для прокурора констатацию собственной некачественной работы – формальных проверок или полного их отсутствия с точным дублированием предыдущих ответов, поручений подготовить ответы тем, на кого жалуются, и т. п. Практический опыт работы автора в качестве адвоката (1994–2007) и советника Уполномоченного по правам человека в Самарской области (2007–2014) дает основания утверждать, что подобная версия не выглядит столь уж фантастической.

Завершая разговор о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, подчеркнем: определение в законе единственно возможного порядка обращения с заявлением о пересмотре к одной из сторон в процессе, мягко говоря, не оптимально. Именно поэтому порядок, предусматривающий обращение заинтересованного заявителя непосредственно в суд в других отраслях правосудия, предпочтителен и для уголовного процесса. Как может выглядеть эта процедура в уголовном процессе – вопрос отдельный, решение его во многих случаях обусловлено необходимостью расследования вновь открывшихся обстоятельств. Именно об этом, по действующему закону, и должен принять решение прокурор по заявлению, если сочтет его обоснованным. Суд, по понятным причинам, решение о расследовании принимать не должен, да и расследовать сам он тоже ничего не должен. Однако такое расследование может состояться по ходатайству прокурора как стороны обвинения, если суд при рассмотрении заявления о пересмотре дела ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств сочтет возможным такое ходатайство удовлетворить.

Возвращаясь к теме корпоративного правосознания, подчеркнем, что вуалирование возобновления производства по уголовному делу под его пересмотр в порядке надзора может быть вполне осознанным, равно как и отказ в удовлетворении заявлений заинтересованных лиц о наличии таких обстоятельств. Статистику отклоненных заявлений по этому поводу отследить, к сожалению, невозможно, но опросы адвокатов и собственный адвокатский опыт автора позволяют утверждать, что они тоже имеют место на практике. В связи со сказанным обозначим еще одну особенность корпоративного правосознания юристов, занятых на государственной службе, свя-

занную с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности: зависимость принятия процессуальных решений не только от требований закона и юридически значимых обстоятельств уголовных дел, но и от предыдущих процессуальных решений своего ведомства по конкретным делам.

Названная зависимость может быть обусловлена как сугубо психологической заботой о «чести мундира», так и вполне формализованной ориентацией на показатели ведомственной статистической отчетности. Последний мотив находит свое отражение в реализации представителями разных ведомств многих уголовно-процессуальных институтов.

Возбуждение уголовного дела органами предварительного следствия и дознания только при наличии его «судебной перспективы» с нескрываемым стремлением полностью доказать обвинение еще до того, как оно будет сформулировано в окончательной редакции и предъявлено конкретному лицу. В обозначенном стремлении формально нет ничего предосудительного: государственные органы заботятся о том, чтобы в уголовное судопроизводство не вовлекались люди, которые не имеют никакого отношения к совершенным преступлениям. Однако напомним, что в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 140 УПК РФ точно так же, к слову, как и по действовавшей ранее ст. 108 советского УПК РСФСР 1960 г., основаниями для возбуждения уголовного дела являются «достаточные данные» (пока еще вовсе не обязательно доказательства – законодатель в этой части осмотрителен), указывающие на «признаки преступления» (а вовсе не на наличие состава преступления в чьих-то действиях). Законодатель настойчиво подчеркивает предварительность вывода о наличии преступления на момент возбуждения уголовного дела, определяя задачу этой стадии процесса в открытии процессуальных возможностей для полноценного расследования с использованием всего арсенала процессуальных средств доказывания. Законодатель допускает потенциальную возможность неподтверждения предварительного вывода о наличии преступления и о виновности конкретных лиц по результатам предварительного расследования, на что постоянно обращается внимание в науке как на нечто само собой разумеющееся [6, с. 224].

Повторимся: формально в стремлении возбуждать уголовные дела только при наличии абсолютной уверенности в перспективе обвинительного приговора по проверяемому сообщению о преступлении ничего плохого нет. Однако есть смысл обратить внимание на некоторые практические последствия такого стремления. Во-первых, все случаи прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям рассматриваются в следственных органах как повод для служебной проверки в отношении должностного лица, незаконно, как теперь *post factum* констатируется, возбудившего уго-

ловное дело. Насколько это нормально? Ведь решение о возбуждении уголовного дела принималось в одних информационных условиях, требующих достаточно быстрой реакции государственных органов на сигнал о совершенном преступлении, а решение о прекращении уголовного дела принимается по результатам полноценного предварительного расследования, позволившего в принципиально иных информационных условиях констатировать, что для выдвижения обвинения перед судом нет оснований. Эту ситуацию, строго по закону, нельзя воспринимать как экстраординарную при условии, что следователь или руководитель следственного органа или иное лицо, уполномоченное на возбуждение уголовного дела, не принимало заведомо необоснованного решения о возбуждении уголовного дела, то есть если они не совершали должностных преступлений. «Достаточные данные, указывающие на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) – это даже не то же самое, что «достаточные доказательства, дающие основания для обвинения» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), не говоря уже об основаниях для направления уголовного дела в суд, а тем более для осуждения.

Имеются и иные, более масштабные проявления профессионально гипертрофированной оценки оснований для возбуждения уголовного дела. Например, попытки настоять на направлении дела в суд с любым обвинением, даже при наличии обстоятельств, его опровергающих, лишь бы не быть обвиненным в необоснованном, то есть незаконном возбуждении уголовного дела. В теории уголовного процесса на подобном же взгляде основано утверждение, будто бы «в досудебных стадиях защитник не является стороной правового спора, а выступает лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь» [7, с. 15]. То есть до направления дела в суд, если продолжить эту мысль, стороны защиты как бы тоже нет, а обвиняемый и подозреваемый превращаются в объект властной правоприменительной деятельности. Автор приведенной цитаты не считает нужным пояснить, как оказание квалифицированной юридической помощи может вступать в противоречие со статусом стороны в правовом споре.

Другое проявление обозначенного стереотипа назовем известным на практике словосочетанием «обвинение с запасом». Давнее правило о том, что суд вправе в обвинительном приговоре смягчить предъявленное обвинение, признав недоказанными часть эпизодов преступлений или квалифицирующие признаки, или дополнительно вмененные составы преступлений, в практике государственного обвинения всегда достаточно широко использовалось прокуратурой для направления в суд очевидно завышенных обвинений. В этом же направлении работали правила советского и пореформенного российского уголовно-процессуального закона об отказе государственного обвинителя от обвинения в его не подтвержденной судеб-

ным следствием части – от «запаса» в государственном обвинении можно было бы безболезненно отказаться.

Проведенные нами в разные годы действия УПК РСФСР и УПК РФ социологические исследования показали, что с ситуацией очевидного для них «обвинения с запасом» сталкивалось до 96 % опрошенных нами работников прокуратуры, и ни один из них не усмотрел в этом ничего удивительного. Между тем по закону каждое уголовно-процессуальное решение, которое, как известно, принимается только носителем государственно-властных полномочий, должно быть законным, обоснованным и мотивированным (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Прокурор не вправе направлять в суд необоснованное обвинение. В ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства обозначено в числе прочего как защита прав и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Закон не допускает завышения государственного обвинения, чем бы это ни было мотивировано. Здесь напомним о действующей процедуре возобновления уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств: у любого заявителя могут быть основания сомневаться в объективности прокурора, к которому обращаются с заявлением о пересмотре уголовного дела, ибо заведомая необъективность в одном процедурном механизме, как правило, свидетельствует о готовности проявить ее и в других подобных механизмах.

Не менее привычной практикой является возбуждение уголовного дела по рапорту следователя Следственного комитета РФ после поступления постановления прокурора об этом же в соответствии с правилами ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Казалось бы, какая разница, что стало поводом для возбуждения уголовного дела. Однако на фоне постоянных жалоб следователей и их руководителей на запредельную загруженность органов следствия, на недостаточность сроков проверки сообщений о преступлениях и арсенала имеющихся для проверки средств такая практика не выглядит столь уж безобидной. Постановление направлено в следственные органы профессионалами, проводившими проверку в порядке привычной для них надзорной деятельности. На основании результатов проверки эти профессионалы пришли к выводу о наличии признаков преступления, которые по действующему уголовно-процессуальному закону как раз и являются основанием для возбуждения уголовного дела. Практика проверок таких постановлений еще и сотрудниками Следственного комитета имеет двойные негативные последствия: имитируются процессуальные усилия следователей, хотя фактически этих усилий и не требуется, составляются новые документы, в которых нет необходимости, а сотрудники прокуратуры получают возможность некачественной собственной надзорной деятельности (если их выводы все равно

кем-то проверяются и в значительной своей части не принимаются во внимание, то за юридические последствия собственных решений прокурорские работники не отвечают). И так из года в год.

В специальной литературе активно обсуждается вопрос о необходимости возврата прокурору права возбуждать уголовные дела [8, с. 227] как минимум в случаях отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел [9, с. 11, 17]. Самой горячей поддержки заслуживает вывод о принципиальной ошибочности законодательного решения о лишении прокурора полномочия самостоятельно возбуждать уголовные дела [4, с. 91–92]. Будучи уверенным в логичности возврата такого полномочия прокурору, невозможно игнорировать весьма красноречивые результаты социологических опросов самих работников прокуратуры по поводу их субъективного отношения к такому возврату. За почти полтора десятка лет отсутствия полномочия прокурора на возбуждение уголовного дела воспиталось целое поколение прокурорских работников, которые никогда таких решений не принимали и не видят в этом полномочии ничего, кроме дополнительного обременения в работе. Законодательно решая этот вопрос, невозможно и, как полагаем, недопустимо не учитывать этого обстоятельства. На уровне теории уголовного процесса авторы аргументируют высокие идеи об особой роли прокуратуры как главного органа особой обвинительной власти в формировании государственного обвинения, поддерживаемого затем в суде, настаивают на необходимости расширения возможностей такого влияния с самого начала и о праве инициации всего производства по уголовному делу. Однако на уровне индивидуального и группового правосознания работников прокуратуры эти идеи и предложения воспринимаются исключительно как банальное и явно нежелательное усложнение их и без того тяжелой повседневной жизни.

Работники прокуратуры в таких оценках не уникальны. Даже без масштабных социологических исследований имеются основания утверждать, что для многих представителей судебной системы, среди которых, как понимаем, есть не только судьи, но и сотрудники аппаратов судов, суд с участием присяжных заседателей – это тоже очевидное и столь же нежелательное усложнение работы. И никакие разговоры о высоком предназначении народного участия в правосудии, особенно в форме суда присяжных, от кого бы они ни исходили, эту ситуацию переломить не могут, ибо на уровне корпоративного профессионального правосознания проблемы суда присяжных приобретают совершенно иное, сугубо утилитарное преломление.

В адвокатском сообществе суд присяжных воспринимается иначе – как суд, в котором у стороны защиты есть возможность быть услышанной, и как суд, дарящий надежду на оправдание. Однако и среди адвокатов по-

степенно выделяется подгруппа, специализирующаяся на работе в суде присяжных, тогда как для другой их части эта форма судопроизводства так и останется слишком долгой, требующей большего напряжения, более чувствительной к профессиональным ошибкам и более, чем обычный процесс, чреватой обвинениями в адрес самого адвоката как со стороны судей и прокуроров (в некорректном поведении), так и стороны собственных доверителей (в проигрыше из-за непрофессионализма).

Означает ли все сказанное, что законодатель должен идти на поводу ведомственных и корпоративных представлений о должном и объективно необходимом? Отнюдь нет. Корпоративное правосознание, по сути своей, основано как минимум на усиленном отмежевании интересов соответствующей социальной группы от всего остального общества, а как максимум – на противопоставлении тех и других интересов. Задача законодателя в любом государстве – путем максимально широкого вовлечения представителей всех заинтересованных профессиональных сообществ в законотворческий процесс добиться баланса этих групповых интересов и суметь выразить этот баланс в букве закона, добившись его однозначной понятности и исполнимости.

Сформулируем некоторые выводы.

1. Требования закона и установленные юридически значимые обстоятельства уголовных дел не являются ни единственными, ни даже главными детерминантами принимаемых уголовно-процессуальных решений, процессуальных заявлений и иных форм процессуального поведения. Названные объективные детерминанты весьма ощутимо корректируются особенностями корпоративного правосознания лиц, участвующих в производстве по реальным уголовным делам.

2. Среди наиболее заметных стереотипов корпоративного правосознания государственных служащих, занятых в уголовном процессе, можно выделить в первую очередь преимущественную зависимость а) от мнения руководства разного уровня, б) от принятых ранее властных решений по этому же делу и в) от ведомственных отчетных показателей. Названные факторы нередко имеют большее влияние на процессуальное поведение конкретных участников процесса в сравнении с требованиями уголовно-процессуального закона и установленными фактическими обстоятельствами уголовного дела.

3. Отдельные стереотипы профессионального правосознания проявляются в наиболее типичных формах процессуального поведения государственных служащих разных ведомств, получивших на практике не только широкое распространение, но и специфические кодовые названия: «судебная перспектива материала доследственной проверки», «обвинение с запа-

сом», «засилить приговор», «отписать жалобу» и т. п. Большинство из них, хотя и не соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона, в реальной жизни являются привычными, легко объясняемыми представителями разных профессиональных сообществ и, как правило, непредосудительными не только внутри конкретных ведомств, но нередко и вне их.

4. Главная задача законодателя – привлечь к законотворческому процессу представителей максимального количества заинтересованных в этом законе профессиональных сообществ, обеспечить воплощение максимально возможного баланса корпоративных профессиональных интересов в букве закона.

Список источников

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: Инфра-М, 2010. – 240 с.

2. Копылов А.В. Нравственные основы осуществления особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Копылов. – Саратов, 2020. – 31 с.

3. Шарипова А.Р. Пересмотр дел по вновь открывшимся и новым обстоятельствам: невыгодные отличия уголовного процесса / А.Р. Шарипова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 105–114.

4. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе : учебное пособие / В.А. Лазарева. – Москва : Юрайт, 2011. – 296 с.

5. Рябоконеv С.И. Ходатайства и жалобы в реализации принципов состязательности, обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Рябоконеv. – Челябинск, 2020. – 28 с.

6. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации : монография / Л.М. Володина. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 296 с.

7. Азарёнок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Азарёнок. – Омск, 2021. – 35 с.

8. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистратуры / Лазарева В.А. и др. ; под ред. В.А. Лазаревой и А.А. Тарасова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – 465 с.

9. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Филимоненко. – Омск, 2021. – 23 с.

References

1. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2010. 240 p.

2. Kopylov A.V. *Nravstvennye osnovy osushchestvleniya osobogo porjadka sudebnogo razbiratel'stva po ugovnym delam. Avtoref. Kand. Diss.* [Moral foundations for the implementation of a special order of trial in criminal cases. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2020. 31 p.

3. Sharipova A.R. Review of cases on newly opened and new circumstances: unfavourable distinctions of the criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 39, pp. 105–114. (In Russian).

4. Lazareva V.A. *Prokuror v ugovnom processe* [Prosecutor in criminal procedure]. Moscow, Yurajt Publ., 2011. 296 p.

5. Ryabokonev S.I. *Hodatajstva i zhaloby v realizacii principov sostyazatel'nosti, obespecheniya podozrevaemomu, obvinyaemomu prava na zashchitu v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam. Avtoref. Kand. Diss.* [Petitions and complaints concerning the implementation of the adversarial principle and the right of suspects and accused persons to defense in pre-trial proceedings in criminal cases. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2020, pp 28 с.

6. Volodina L.M. *Naznachenie ugovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizacii* [Appointment of criminal proceedings and problems of its implementation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 296 p.

7. Azarenok N.V. *Koncepciya sovershenstvovaniya rossijskogo ugovnogo processa v ramkah ego istoricheskoy formy. Avtoref. Dokt. Diss.* [The concept of improving the Russian criminal process within its historical form. Doct. Diss. Thesis]. Omsk, 2021. 35 p.

8. Lazareva V.A., Tarasov A.A., Sheifer S.A., Savelyev K.A., Taran A.S., Yunoshev S.V., Ivanov V.V. et al.; Lazareva V.A., Tarasov A.A. (eds.). *Ugovno-processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice]. 3rd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2016. 465 p.

9. Filimonenko I.A. *Processual'nyj status lichnosti v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela. Avtoref. Kand. Diss.* [The procedural status of a person at the stage of initiating a criminal case. Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2021. 23 p.

Информация об авторе

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.